

ГЛАВА ВТОРАЯ

Для большей части страны 1970-й был годом беспорядков и перемен, но в доме на улице Магнолий вопреки всему царили порядок и постоянство. Сидя на холодном деревянном полу, десятилетняя Талли строила из конструктора «Линкольн Логс» домик для своих кукол «Лидл Кидлз»*, которые мирно спали, устроившись на розовых бумажных салфетках. У себя в комнате она могла бы послушать «Джексон Файв» — у нее была пластинка и детский проигрыватель, — но здесь, в гостиной, не вошло даже радио.

Бабушка музыку не жаловала, о телевидении и настольных играх тоже была невысокого мнения. Почти весь день она проводила с пальцами в руках. Расположившись, совсем как сейчас, в кресле-качалке у камина, она умело орудовала иглой, а под Рождество относила скопившиеся вышивки — больше сотни, и почти все с цитатами из Библии — в церковь, где их продавали на благотворительных ярмарках.

А дедушка... его было совсем не слышать. После инсульта он только и делал, что лежал в постели да время от времени звонил в колокольчик. Лишь в эти моменты Талли видела, чтобы бабушка куда-то спешила. Едва заслышав звон, она с улыбкой восклицала: «Боже ты мой!» — и убегала по коридору с такой скоростью, на какую только были способны ее обутые в шлепанцы старые ноги.

* *Lincoln Logs* — детский конструктор из миниатюрных деревянных бревнышек, выпускается в США с 1916 года, назван в честь Авраама Линкольна, который родился в деревянном доме. *Liddle Kiddles* — серия миниатюрных (около 7-8 см в высоту) кукол, выпускалась в 1965—1971 годах.

Талли взяла игрушечного тролля с желтыми волосами и Каламити из «Лидл Кидлз» и, тихонько мурлыкая «Мечтателя»*, закружила их в танце. На середине песни в дверь постучали.

Это было настолько неожиданно, что Талли отвлеклась от игры и подняла голову. Кроме мистера и миссис Биттл, которые являлись по воскресеньям, чтобы отвезти их в церковь, к ним никто и никогда не заходил.

Сложив вышивку в розовый пакет и оставив возле кресла, бабушка направилась к двери вялой шаркающей походкой, которая стала ей свойственна в последние пару лет. Когда дверь открылась, повисла долгая пауза, и затем бабушка сказала:

— Боже ты мой.

Голос ее звучал странно. Покосившись на дверь, Талли увидела высокую женщину с длинными спутанными волосами, на губах которой то расползалась, то таяла улыбка. Женщина была красивая, такую красавицу нечасто встретишь, — с молочной кожей, тонким острым носиком, высокими точеными скулами и аккуратным подбородком. Ее влажные карие глаза то закрывались, то медленно открывались снова.

— Дочь объявилась после стольких лет, а тебе больше и сказать нечего?

Она протиснулась мимо бабушки, подошла к Талли и наклонилась:

— Это кто тут, моя малышка Таллула Роуз?

Дочь? Но ведь это значит...

— Мама? — восхищенно прошептала Талли, сама себе не веря. Она так долго этого ждала, так давно мечтала, что мама однажды вернется за ней.

— Скучала?

— А то, — сказала Талли, едва сдерживая радостный смех. Она была так счастлива.

Бабушка закрыла дверь.

— Пойдем на кухню? Я кофе сварю.

* *Daydream Believer* (1967) — песня, написанная американским фолк-певцом и автором песен Джоном Стюартом и впервые исполненная квинтетом *The Monkees*.

- Я не за кофе приехала, а за своей дочерью.
- Без гроша в кармане? — устало ответила бабушка.

Маму это явно задело.

- Допустим, и что дальше?
- Талли нужно...
- Уж, пожалуйста, как-нибудь разберусь, что нужно моей собственной дочери.

Мама вроде бы пыталась стоять ровно, но выходило не очень. Все ее тело как-то вихляло, и глаза были странные. Она наматывала на палец длинную прядь вьющихся волос.

Бабушка подошла ближе.

— Ребенок — это большая ответственность, Дороти. Ты бы вернулась домой, пожила с нами немного, получше познакомилась с Талли и, может быть, тогда была бы готова... — Она на мгновение умолкла, нахмурилась и добавила совсем тихо: — Ты напилась.

Мама хихикнула и подмигнула Талли.

Талли подмигнула в ответ. Напиться — это же ничего страшного. Дедушка тоже часто пил, пока не заболел. Даже бабушка порой позволяла себе бокал вина.

— Мам, у меня же день рожденья сегодня, забыла?

— День рождения? — Талли вскочила на ноги. — Подожди, я сейчас.

Она опротясь бросилась в свою комнату и под бешеный стук собственного сердца принялась рыться в ящике стола, торопливо выгребая и разбрасывая его содержимое, пытаясь отыскать то ожерелье из бусин и макарон, которое сделала для мамы еще год назад, на занятии в воскресной школе. Бабушка тогда нахмурилась, увидев его, и посоветовала не слишком-то рассчитывать на маму, но Талли ее послушаться не могла. Она только и делала, что рассчитывала на маму — вот уже много лет подряд. Сунув ожерелье в карман, она рванула обратно и, подбегая к гостиной, услышала:

— Да не пьяная я, дорогая моя маменька. Я дочку свою вижу в первый раз за три года. Любовь вставляет покруче алкоголя.

— За шесть лет. Когда ты ее здесь оставила, ей было четыре.

- Серьезно, так давно? — Мама казалась озадаченной.
- Возвращайся домой, Дороти. Я тебе помогу.
- Угу, как в прошлый раз помогла? Нет уж, спасибо.

В прошлый раз? Мама приезжала раньше?

Бабушка вздохнула, затем вся как-то закаменела.

- Долго ты собираешься на меня за это злиться?
- Такие штуки время не лечит. Пойдем, Таллула.

Мама, пошатываясь, шагнула к двери.

Талли нахмурилась. Совсем не так она это себе представляла. Мама ее не обняла, не поцеловала, даже не спросила, как у нее дела. И кто вообще уходит из дома, не собрав чемодан?

- Мои вещи... — начала она, указывая на дверь спальни.
- На кой черт тебе эта мещанская дрянь, Таллула?
- А?.. — не поняла Талли.

Бабушка притянула ее к себе, и Талли окутал ее запах — детской присыпки и лака для волос, — такой родной и уютный. Никто, кроме бабушки, никогда не обнимал ее, ни с кем другим она не чувствовала себя в безопасности, и ей вдруг сделалось страшно.

— Бабуля? — спросила она, отстраняясь. — Что происходит?

— Ты едешь со мной, — сказала мама и, чтобы не потерять равновесие, схватилась за дверной косяк.

Бабушка взяла Талли за плечи и легонько встряхнула.

— Телефон и адрес ты знаешь, так ведь? Если испугаешься или что-нибудь нехорошее случится, ты нам звони, ладно?

В глазах ее стояли слезы, и, видя, что бабушка, всегда такая спокойная и невозмутимая, плачет, Талли совсем перепугалась и растерялась. Что происходит? Что она успела сделать не так?

— Бабуля, прости, я...

Мама склонилась над ней и, схватив за плечо, грубо тряхнула:

— *Никогда* не проси прощения. Это выглядит жалко. Идем.

Она взяла Талли за руку и потянула к двери. Спотыкаясь, Талли последовала за ней вниз по ступенькам и дальше, через дорогу, к тому месту, где был припаркован ржавый микроавтобус «фольксваген» с огромным «пацификом» на боку, весь в виңиловых наклейках в виде цветов.

Дверь открылась, наружу выплыло облако серого дыма. Внутри, среди мглистого сумрака, Талли различила трех человек. За рулем сидел чернокожий мужчина с необъятным афро, перехваченным красной повязкой. Позади него — блондинка в полосатых штанах, жилетке с бахромой и коричневой бандане и мужчина в клешах и засаленной футболке. Пол был устлан мохнатым коричневым ковролином, кругом валялись курительные трубки, пустые бутылки, обертки от еды и восьмитрековые* магнитофонные кассеты.

— Это моя дочка, Таллула, — сказала мама.

Талли терпеть не могла, когда ее называли Таллулой, но промолчала. Лучше потом сказать, когда они с мамой останутся вдвоем.

— Кайф, — сказал кто-то.

— Вылитая ты, Дот. Охренеть.

— Залезайте уже, — буркнул водитель. — А то опоздаем.

Человек в грязной футболке ухватил Талли за пояс и втащил в фургон. Она осторожно уселась, поджав ноги. Мама тоже залезла внутрь и захлопнула за собой дверь. В фургоне пульсировала странная музыка, Талли ничего не могла разобрать кроме слов *что-то тут творится...*** Из-за дыма все очертания казались дрожащими, расплывчатыми.

Талли подвинулась ближе к металлической стенке фургона, чтобы освободить место для мамы, но та под села к женщине в бандане, и они немедленно принялись болтать о свиньях, о маршах, о каком-то парне по имени Кент***. Талли ничего в этом разговоре не понимала, а от дыма у нее кружилась голова.

* Также известны как *Stereo 8*. Формат магнитофонных кассет, популярный в США и ряде других стран с середины 1960-х до конца 1970-х гг. Впоследствии был вытеснен более привычными нам компакт-кассетами.

** ...*Something happening here* — строчка из песни *For What It's Worth* (1966) американской рок-группы *Buffalo Springfield*. Песню часто связывают с антивоенными протестами 1970-х, хотя на самом деле в ней поется о массовых беспорядках 1966 года на Сансет-стрип в Лос-Анджелесе, начавшихся после ограничения доступа в ночные клубы.

*** Вероятно, упоминается расстрел в Кентском университете в мае 1970 года, когда военные открыли огонь по безоружным студентам, протестовавшим против введения войск в Камбоджу.

Когда человек, сидевший с ней рядом, начал раскуривать трубку, она не сумела сдержать вздох досады.

Услышав ее, он повернулся и выдохнул облачко серого дыма прямо ей в лицо.

— Расслабься, малышка, просто плыви по течению.

— Вы только гляньте, как моя мать ее вырядила, — с горечью сказала мама. — Ну просто куколка. Как может человек быть *настоящим*, если боится запачкаться?

— Точняк, Дот. — Сосед Талли выпустил изо рта дым и откинулся на сиденье.

Мама впервые посмотрела на Талли — по-настоящему *посмотрела* прямо на нее.

— Запомни это, малыш. Жизнь, она не про то, чтобы печь печеньки, драить полы и детей рожать. Она про то, чтобы быть свободной. Делать что хочешь. Быть кем хочешь, хоть сраным президентом США, если приспичит.

— Новый президент нам бы не помешал, это факт, — отозвался водитель.

Женщина в бандане похлопала маму по бедру:

— В самую тощчку. Том, хэй, бонг мне передай? — Она пьяно захихикала. — О, почти стихи.

Талли нахмурилась, чувствуя, как в животе оседает прежде незнакомый ей стыд. Она-то думала, что платье красивое и смотрится на ней так славно. И стать хотела балериной, а вовсе не президентом.

Но маминой любви она хотела еще сильнее. Она подвинулась поближе к матери, так, чтобы можно было до нее дотянуться.

— С днем рождения, — сказала она тихонько и, сунув руку в карман, достала ожерелье, над которым так долго трудилась, намучилась с ним, если честно, — другие дети давно ушли играть, а она все сидела и приклеивала к макаронам блестки. — Это я для тебя сделала.

Мама выхватила ожерелье у нее из рук и сжала в кулаке. Талли все ждала, когда она скажет спасибо, наденет его, но так и не дождалась, мама просто сидела, покачиваясь в такт музыке, и разговаривала со своими друзьями.

В конце концов Талли закрыла глаза. Из-за дыма ей хотелось спать. Почти всю свою жизнь она скучала по маме. И совсем иначе, чем скучаешь по кукле, запропастившейся неизвестно куда, или по подружке, которая перестала приходить в гости, потому что ты жадина и не делишься игрушками. Ей *не хватало* мамы. День за днем она носила в себе эту ноющую пустоту, а ночами чувствовала, как та распускается острой, живой болью. Если только мама вернется, обещала она себе, я буду очень хорошей девочкой. Самой лучшей. Она надеялась загладить свою вину, исправить то, что когда-то сделала или сказала не так. Больше всего на свете Талли хотела, чтобы мама ей гордилась.

Но сейчас она совсем растерялась. В ее мечтах все было иначе — там мама брала ее за руку и они уходили вместе, только вдвоем.

— *Вот мы и пришли, — говорила мама, пока они поднимались к дому по склону холма. — Дом, милый дом. — А потом целовала Талли в щеку и шептала ей на ухо: — Как же я соскучилась. Я уехала, потому что...*

— Таллула. Просыпайся.

Вздрогнув, Талли очнулась. Голова раскалывалась, в горле саднило. Она попыталась спросить: «Где мы?» — но с губ сорвался лишь жалкий хрип.

Взрослым это показалось ужасно смешным. Хохоча, они высыпали из фургона на улицу.

Здесь, в центре Сиэтла, было полно народу, все кричали, скандировали, размахивали плакатами «Занимайтесь любовью, а не войной» и «Ни черта мы не пойдем!». Талли в жизни не видела такой кучи людей в одном месте.

Мама взяла ее за руку, притянула поближе.

День прошел как в тумане, вокруг скандировали, пели, снова скандировали. Талли ни на секунду не переставала бояться, что случайно отпустит мамину руку и потеряется в толпе. Когда явились полицейские — за поясом у каждого пистолет, в руках дубинка, на лице пластмассовое забрало — стало только страшнее.

Но толпа мирно текла по улице, а полицейские мирно за ней наблюдали.

Уже стемнело, Талли выбилась из сил и проголодалась, голова разболелась, а они все шли и шли, сворачивая с одной незнакомой улицы на другую. Люди теперь вели себя иначе — свернули плакаты и достали выпивку. Иногда Талли удавалось слышать обрывки разговоров, даже целые предложения, но смысл от нее ускользал.

— Видали этих свиней? У них руки *чесались* кого-нибудь мордой по асфальту повозить, да хрен там, мы мирное шествие, чувак. Не имеют права. Дот, алё, дай другим дунуть, ишь присосалась.

Кругом захохотали, а мама громче всех. Талли никак не могла понять, что происходит, и голова у нее ужасно болела. А толпа все прибывала, люди смеялись, танцевали. Неизвестно откуда на улицу полилась музыка.

А потом Талли вдруг поняла, что больше никого не держит за руку.

— Мама! — закричала она.

Люди были повсюду, но никто не ответил, даже не повернулся. Она проталкивалась сквозь толпу, мимо чужих тел, звала маму, кричала что было сил. А когда совсем охрипла, вернулась к тому месту, где видела маму в последний раз, уселась на тротуар и стала ждать.

Она вернется.

Слезы жгли глаза, катились по лицу, а она все сидела и ждала, стараясь быть храброй.

Но мама не вернулась.

Она не раз пыталась припомнить, что делала дальше, что с ней происходило, но воспоминания ускользали, окутанные, точно туманом, жужжащим роем чужих людей. Она помнила лишь, как проснулась на грязной каменной ступеньке и увидела посреди опустевшей улицы полицейского на лошади.

Он нахмурился, глядя на нее со своего высокого насеста, и спросил:

— Девочка, ты здесь одна?

— Да, — только и смогла выдавить Талли, прежде чем расплакалась.

Когда он привез ее обратно в дом на Квин-Энн-Хилл, бабушка обняла ее, поцеловала в щеку и сказала, что вины ее тут нет.